

просто захопити владу в державі” [2, с. 301], – писав російський філософ. Різниця між *боротьбою за владу і творенням влади* усвідомлюється поки що небагатьма. Навпаки, різниця між “партією влади” і “партіями поза владою” цілком реальна і відчутна. Тому саме категорія “партія влади” – у будь-якому сенсі, – а не “партія” як така, стає сакральною темою нашої мови. Власне, цей шлях ми начебто вже проходили. Невже іншого немає?

Джерела та література

1. Зеркало недели. – 2000. – 15 січня.
2. Ильин И.А. О сущности правосознания / Собр. соч. в 10 т. – Т. 4. – М., 1994.
3. Коэн С. “Перестройка – это путешествие в поисках нового...” // Коммунист. – 1989.– №7.

Арунян А.

СУДЬБА СОЦИАЛИЗМА В СССР

Характерным явлением для современной учебной справочной литературы, текстовых и видео- материалов СМИ, других источников информации стало отождествление понятия «социализм» и общественного строя СССР. Продиктовано это многими факторами. Такая оценка, производимая поверхностно, с определенной долей автоматичности, приводит к неверному пониманию социализма и коммунизма, предопределяет не-объективное восприятие своего прошлого. Социализм (или коммунизм) вбирает в себя весь объем многочисленных противоречий Советского Союза, а неверное понимание прошлого обрекает на промахи социологических, экономических прогнозирований. Поражение идей социализма при попытке их практической реализации не признается, более того – трактуется естественным явлением. Такая оценка является по меньшей мере не точной, потому как социализму, спроектированному и спрогнозированному Марксом, противоречит не только способ хозяйствования, организованный в СССР, но и механизм его построения. **Целью** этой статьи является исследование социализма в СССР, выявление причин расхождения «советского» варианта способа производства с «подлинным» социализмом, а также характеристика его проявлений.

Для более ясного понимания вопроса приведем определение социалистического строя. Марксистская справочная литература называет социализм общественно-экономической формацией, базирующейся на общественной форме собственности. Социалистический способ хозяйствования определяет отсутствие эксплуататорских классов, в целом отсутствие всякой эксплуатации человека человеком; справедливое, равномерное распределение материальных благ; совпадение общественного и индивидуального интересов; гармоничное развитие индивида и общества. СССР же с его античеловеческими акциями голодомора, деспотическим режимом, мощнейшей бюрократией, террором, тоталитаризмом, отсутствием свобод под эту схему подвести нет никакой возможности. Сомнительным выглядит факт столь огромного просчета в построениях Маркса, экономическая и социальная теории которого произвели прорыв в общественных науках XIX века. Усомнился в столь противоречивой реализации социализма и Эвальд Ильенков – один из крупнейших советских философов. В своей статье «Маркс и Западный мир» Ильенков обращается за разрешением сложившейся проблемы к текстам самого основателя марксизма и оказывается правым. Выясняется, что Маркс в своих построениях не сводил процесс установления социализма к обобществлению собственности. Напротив, ограничение всех мероприятий по возведению социализма национализацией частной собственности он видел свойством «грубого коммунизма» – отправной стадии коммунизма, являющейся лишь «обобщением и завершением» частной собственности, выступающей на первых порах «как всеобщая частная собственность» [2]. Проблема заключается в том, что частная форма собственности с момента ее появления неизбежно порождает негативные следствия. Она порождает классовое неравенство, несправедливость, неравномерное распределение материальных благ, неравные возможности для всестороннего развития личности. «Грубый коммунизм» является стихийной реакцией на антиномичность частной собственности, самой собственностью и диктуемой. Вызванный этим неконтролируемым настроением коммунизм является лишь одной из стадий развития частной собственности, «той же частной собственности, только с обратным знаком, со знаком отрицания. Он просто доводит до конца, до последовательного выражения все имманентные тенденции развития частной собственности» [1]. Стихийное стремление к ликвидации несправедливости капиталистического общества приводит лишь к переходу к его другой фазе, вызванной приобретением новых экономических форм буржуазного строя – частной собственности. Присвоение собственности государством не снимает главной проблемы буржуазных отношений – отчуждения труда. Капиталистическая система предполагает, что труд, производимый пролетарием, направляется на увеличение капитала работодателя, используемого впоследствии в качестве средства угнетения этого же рабочего. В условиях «советского» социализма государство, национализировавшее частную собственность, используя продукты труда рабочего, наращивает собственную силу и направляет ее на угнетение граждан организованными политическими структурами. Обобществление собственности и присвоение ее государством по сути противоположные социальные действия. Нельзя отрицанием частной собственности «чисто негативной акцией» [1] разрешить проблемы современной цивилизации. Национализированная собственность является лишь одной из форм частной собственности, а именно – государственной частной собственностью. Истинно общественная собственность должна находиться в личном использовании каждого представителя общества, экономическая жизнь которого базируется на этой форме имущества. Заложенное же в это имущество богатство, ранее от класса пролетариев отчужденное, является не совокупностью материальных «вещей», используемых индивидом, а богатством «тех деятельных способностей, которые в этих вещах «овеществлены», «опредмечены», а в условиях частной собственности «отчуждены»» [1]. Это значит, что общественная собственность предполагает не владение ею государством, не распоряжение ее богатством ограниченной

группой лиц, а должна быть реальной собственностью каждого представителя этого общества. Ильенков, анализируя произведенные в СССР мероприятия по обобществлению собственности, определяет их как крайнюю стадию развития частной собственности, тем самым отрицая наличие социализма в Советском Союзе. Крупнейший философ своего периода заявляет в 60 – 70 годы, в пропитанном цензурой государстве, об отсутствии в нем общественной собственности; мнения об отхождении от ортодоксального марксистского учения уже в то время проявляли себя столь смело. Само название СССР – Союз Советских Социалистических Республик содержит в себе противоречия. Советы – формы государства, социализм – способ хозяйствования, предполагающий отмирание государства, наличие которого, согласно Марксу, является признаком классовости общества и эксплуатации.

Причину установившихся политико-экономических порядков в СССР следует искать в неповторимой специфике дореволюционной России, в развитии ее социальной, экономической структуры, способе хозяйствования, свойствах общественного строя. Именно исследование России, факты, выяснившиеся в процессе перепишки с российскими социалистами, заставили Маркса пересмотреть свою теорию развития капитализма. Ранний капитализм, свойственный странам Западной Европы, имеет качественные различия от стран позднего капитализма – государств, в экономическом отношении более слабых (в числе которых находится и Россия). Отличие раннего и позднего капитализма определяется скорее не временем установления, а в их качественном своеобразии. Поздний капитализм, помимо внутренних потрясений, находится в постоянной опасности внешнего экономического (а значит, и территориального) порабощения. Зависимость от капитала западных стран вносит в процесс развития государств «позднего капитализма» элемент непредсказуемости. Их стремления избежать опасности внешнего порабощения, постоянная необходимость повышения экономических показателей заставляла прибегнуть к безмерному использованию ресурсов, антигуманной эксплуатации рабочего класса. Охарактеризуем социально–политическое положение России 1917 года. Тяжелая внешнеполитическая ситуация, вызванная войной, внутренней нестабильностью, прогретой буржуазной революции, многочисленными волнениями. Социальная структура была представлена дворянством, находящимся в крайне тяжелом положении, владельцами опустевших имений, обнищавших хозяйств, лишенных каких–либо гарантий; на их фоне – миллионы истощенных многовековой эксплуатацией крестьяне, трудноконтролируемые рабочие. Страна, обескровленная войной, внутренними волнениями, находилась в глубочайшем экономическом, социальном кризисе. Установление капитализма, постоянно дискредитируемого собственными противоречиями, означало бы конечный развал уже расшатанной донельзя экономики, а с ней и государства. Требовались иные способы вывода страны из губительного положения. Единственно приемлемым вариантом разрешения кризиса явился социализм. Он выступил средством консолидации рабочих и крестьян, его планово–административный строй максимально удовлетворял требования экономики России того периода в ее сложнейшем социально–экономическом положении. Идея построения идеального общества, лишённого эксплуатации, одержала победу в условиях взрыва копившегося веками недовольства крестьян и рабочих, слабости имущего класса, но согласно теории Маркса, не могла решиться по причине чрезмерно низкого уровня производительных сил. Искренние стремления революционеров вступали в противоречие с действительностью. Им требовалось отмирание государства, экономике – укрепление государственных форм, и неосуществимые на тот момент идеи всеобщего равенства закономерно потерпели поражение в среде укрепления и утверждения тех тенденций, которые по сути противоположны содержанию основных положений социализма. Социализм, базирующийся в концепции Маркса на значительно более развитых, чем при капитализме, производительных силах, в Советском Союзе строился по целиком противоположной схеме. Он выступил средством усиления экономики СССР до уровня стран с развитым капитализмом. Активно развивающийся бюрократический аппарат, образование которого в сложившейся ситуации было неизбежно, выдавая ложные сведения, лишь усиливал отрыв от реализации основной цели революции – построения бесклассового общества. Реальные задачи, решаемые руководством СССР, достаточно четко выявляет статистика общественного производства Советского Союза, приводимая Троцким в своем основном труде «Преданная революция». Основная задача экономики сводилась к производству большего количества продукции, к повышению преимущественно количественных показателей; качество же продукции и планомерное развитие отраслей экономики не учитывалось. Недаром Троцкий, применяя понятие «бюрократия», имеет в виду что-то самостоятельное, независимое от действий руководства. Сам исторический ход диктовал условия и управлял людьми: Троцкий, критиковавший впоследствии всякий антидемократический поступок руководства СССР, являлся сторонником введения общеобязательной трудовой повинности, минимизирующей права и свободы граждан СССР. Способ хозяйствования, основывающийся на государственной собственности, выполнив функции повышения уровня производительных сил, потребовал реформирования. Решившая задачу укрепления экономики государственная собственность уже не отвечала требованиям хозяйства СССР. Накопившиеся по этой причине противоречия привели к кризису экономического состояния. Разрешение этой проблемы было обеспечено программой «перестройки», переходом на рельсы капиталистического способа хозяйствования.

То, что социализм в СССР установлен не был, позволяют утверждать следующие обстоятельства:

1. Общественная собственность отсутствовала. Государственная собственность, как база способа хозяйствования СССР, являлась видом частной формы собственности и не снимала проблемы отчуждения труда.
2. Цель революции октября 1917 года, которая обязана своей победой внутривнутриполитической нестабильности, слабости имущих классов, не могла быть осуществлена имеющимися экономическими средствами. Национализированная государством собственность не являлась основой способа производства, обеспечивающего бесклассовую структуру общества. Экономика СССР скорее выполняла задачи повышения

уровня производительных сил, осуществляя своего рода подготовительные мероприятия к построению капиталистического способа хозяйствования.

Критика социализма в Советском Союзе представляет в первую очередь осуждение господства государственной собственности, формирование которой является крайней стадией развития частной собственности. Следует разводить понятия социализма, спрогнозированного его теоретиками, и способа производства, образующегося в случае неудачной попытки установления социализма на практике. Оценка истории требует более корректного и адекватного использования терминов, обуславливающего большую точность характеристики современности и прогнозирования.

Источники и литература

1. Ильенков Э. В., Маркс и Западный мир. http://ihik.lib.ru/philosbook_8dec2005/philosbook_8dec2005_2545.rar
2. Маркс К., Философо-экономические рукописи 1848 г./ Маркс К., Энгельс Ф., Сочинения. – Т. 42. – С. 114.

Архангельская А.С.

АНТИНОМИИ МОНОЛОГИЗМА И ДИАЛОГИЗМА. PRO ET CONTRA

«Наиболее адекватной формой конкретно-научного знания выступает монолог... а формой выражения гуманитарного знания является диалог».

А. В. Иванов, В. В. Миронов
Университетские лекции по метафизике

Со времен становления баденской школы неокантианства – в лице Вильгельма Виндельбанда и Генриха Риккерта пошел процесс формирования концепции понимания философии, как аксиологии, исходя из различия наук по методам исследования. Появление книги Риккерта «Науки о природе и науки о культуре» стало явлением не менее значимым, чем предшествовавшая ей идея самого Виндельбанда о необходимости разделения наук по их методологии. Следует отметить также, что, возможно, под влиянием Виндельбанда и Риккерта эта же идея разграничения наук была предложена другим Вильгельмом, но Дильтеем – в русле его знаменитой «психологии понимания».

Как известно, Дильтей подчеркивал разницу двух методологий – метод о б ъ я с н е н и я (для естествознания), и метод п о н и м а н и я – для гуманитарного знания*. Таким образом, прошло не меньше сотни лет, как эта благотворная идея была заявлена, но... под напором сциентизма не только не получила должного развития, но фактически до сих пор еще ждет своего осуществления**.

В сущности и Виндельбандом и Риккертом и Дильтеем был представлен не столь гносеологический, сколь науковедческий подход, или, как это принято обозначать сегодня, подход с позиции философии науки – с аксиологическими акцентами. Нас же здесь интересует не весь спектр множества аксиологических факторов диалогичности и диалогизма – в соотношении с упорным нежеланием монологизма уходить со сцены. Тормозящий консерватизм монологизма очевиден сегодня еще более, чем во времена неокантианцев и Вильгельма Дильтея.

Но уже в эпиграфе к данному тексту был обозначен тот исторический контекст, без которого трудно теперь представить развитие философских идей как естествознания, так и самой онтологии. Именно на это обстоятельство указывают авторы «Университетских лекций по метафизике»: «Такой подход эффективен при исследовании **недуховных** образований, но слишком искажает реальное положение дел, например, при исследовании человека, культуры, общества... в этом и его неизбежная слабость, связанная с невозможностью выйти за границы предметной области» [4, с. 173]. Речь здесь идет о необходимости необразного «безразличия» ученого к исследуемому объекту как условию научной объективности и точности, в то время как философ по самому своему статусу заявленной еще в античные времена мудрости не может себе позволить абстрагироваться от качеств такого объекта исследования, как Человек во всех его проявлениях. В исканиях последующих за монологизмом классической эпохой философских традиций – как экзистенциальных, так и постмодернистских, как раз явно просматривается стремление к преодолению игнорирования многозначности бытия человека и многообразия его культур.

Именно «поэтому формой выражения гуманитарного знания является **диалог**, в котором активность обеих сторон ('Субъекта' и 'Объекта') очень высока и не столь важна точность, достигаемая за счет сильного огрубления, а **глубина** проникновения в исследуемый объект» [4, с. 174]. Для столь распространенной формы сциентизма, выступающей в виде акцентированного внимания к гносеологической функции философии, присущ своеобразный снобизм, некое высокомерие «истинных ученых», считающих себя мыслителями, стоящими выше гуманитарного стиля философского познания.

* Для Дильтея «понимание» было родственно интуиции, ибо, говоря об условии «сопереживания» и «вчувствования», ему было важно подчеркнуть, что метод понимания открывает для исследователя возможности непосредственного постижения некой духовной целостности.

** Многомерность и драматическая сложность человеческого бытия, разумеется, не могли быть исчерпаны призывом «отнесения к ценностям».